

Артём ПОПОВ

г. Северодвинск

ТЫ ПОДУМАЙ!

Эта поездка в деревню не сулила ничего хорошего. Крыша бабушкиного дома безнадежно текла, на широких половицах стояли лужицы, обои отошли, на когда-то белой печи – страшные пятна подтёков. Надо было срочно что-то делать.

Мы считаем, что печь подорвала здоровье бабушки Сани. Старая, сбитая ещё из глины, дымилась, и хозяйка решила заменить её на новую кирпичную: «Вот будете потом приезжать, топить без заботы». Стояла сырая осень, пока ломали печь и строили новую, бабушка спала в стылой, неотапливаемой избе. Сама таскала и кирпичи. Заболела... Соседи бабушку Саню не узнавали – так исхудала, что вся одежда на ней висела. В районной больнице рак поставили слишком поздно. В конце марта, когда ещё не опали сугробы, бабушки не стало. Хоронили в день её рождения. Шестьдесят лет – жить бы ещё да жить!

Каждое лето мы потом приезжали в деревню, топили русскую печь «без заботы», как бабушка и хотела. За домом присматривал дядя Ваня, наш дальний родственник:

– Пока я живу, никто к вам не полезет, – убеждал он.

А в другие избы лезли. Самое ценное – металл, потому из печей выкорчёвывали плиты, дверки, забирались на крышу за трубой. Остальные вещи из брошенных домов украли ещё раньше, в голодные девяностые годы.

И вот мы сидим в протекающей избе, как у разбитого корыта. Пахнет сыростью и печалью. В окне заметили дядю Ваню, он, словно верблюд среди песков, медленно брёл через высокие июльские травы. Дядька всегда приходил в первые полчаса нашего приезда. Чем ещё заняться в деревне, где осталось шесть постоянных, на зиму, жителей: гости – как свежая кровь.

Дядя Ваня когда-то работал в совхозе. Когда он развалился, дядьке дали его долю – трактор, выпущенный в год московской Олимпиады, и надел земли. С супругой Надеждой он завёл фермерское хозяйство: лошадь, чёрных свиней, трёх козочек и бородатого козла, бесчисленное количество белых кур и самых экзотичных обитателей – семь гусей. Они ходили за хозяином словно собаки. Все боялись гусей – те запросто могли ущипнуть. Громко и нагло гоготали, раскрыв клювы. Около дядькиного дома трава была выщипана

живностью, а остальная часть деревни заросла, не просыхала от дождей, превращаясь в болото с комарами, оводами и прочим гнусом.

Мы знали, что у дяди Вани в Старый новый год парализовало жену: инсульт. Когда я ей позвонил, Надежда, которую уже выписали из больницы, мечтала:

– За рыжиками ещё пойду в августе.

Но мы понимали, что не встанет на свои ноги тётка, не приедет в деревню, не умчится по росяному утру с корзиной в лес...

Дядя Ваня тяжело молчал, казался сосредоточенным на чём-то важном. Наверное, переживает из-за жены.

– Здорово. Надо поговорить, – дядя Ваня был по-деловому краток.

Может, помощь какая нужна супруге.

– Говори здесь, дядя Ваня.

– Не здесь. Пошли ко мне.

Я почему-то боялся, что дядька начнёт меня ругать. В одном из рассказов я вывел похожего на него героя, тоже деревенского мужика, который собирал редкие грибы и продавал в французский ресторан. Конечно, это был не дядя Ваня, но внешность нарисовал похожую. Ни одной седой волосинки в шестьдесят лет, грива как у коня. О напечатанном рассказе про двойника могли сообщить «добрые» земляки.

Что ж, надо идти. В доме без Надежды беспорядок, накурено. Дядька сапоги просит не снимать: на улице чище. Запустил дом... И всё время молчит. Лучше бы матерился – он это умеет! Дядя Ваня долго копошится в комодке, достаёт бумаги, аккуратно завернутые в целлофановый пакет, и без слов подаёт мне. Как будто не документ, а жизнь свою вверяет – пользуй!

– Что это?

– Ну ты же грамотный. Читай! – прозвучало многозначительно.

Схемы, цифры, выписка из кадастровой карты. Стоп! Это же земельные участки около нашей деревни и в лесу. Местность я узнал по названию реки.

– Земля?

– Забирай и владей. На тебя перепишу, – сухим, надтреснутым голосом сказал дядя Ваня и закурил.

– Постойте, у вас же дочь есть?

– Ей не надо. Говорил с Машкой. Ничего ей не надо... А скотину всю осенью я забью.

– Не-е, не возьму, – я почти сразу ответил и положил бумаги на стол в крошках.

Где-то в глубине души мне было, конечно, приятно, что дядька доверяет именно мне. Родственник я дяде Ване такой дальний, что объяснять придётся долго и запутаешься. Предложение даже улыбнуло:

а что, буду мистером Твистером – владельцем земли, заводов, газет, пароходов. Но заводы, газеты, пароходы как раз не предлагали... Идея обзавестись землёй в забытой северной деревушке показалась мне почти бредом. Что я буду делать? Брошу работу в городе и переберусь сюда на ПМЖ? Но какой из меня фермер?! В деревню автолавка приезжает раз в неделю, да что там говорить – мобильная связь ловится только на угоре, дороги зимой не чистят – местные выбирают к той же автолавке на лыжах. Но на вопрос, как вы живёте, аборигены неизменно отвечают: «Лучше всех!» И, похоже, не шутят.

– Ты подумай! – упрямо повторил дядя Ваня.

Вспомнил рассказы дядьки, как в прошлом году одну его полянку измяли лесовики: проезжали на тяжёлой технике и наделали глубокие колеи. Дядя Ваня даже пытался судиться. Не удалось, конечно, ничего высудить у лесной мафии.

Другие земельные участки находились около деревни – козырное когда-то место. В собственности дяди Вани был и ложок почти у самой реки. Здесь раньше пасли овец.

– Маси, маси! – мы, сопливые пацанята, почему-то так звали кудрявых блеющих животинки.

Когда-то каждый клочок земли предки отвоёвывали от леса, корчевали пни, выжигали срубленное. Недаром соседняя деревня Загарьем называется: за гарью значит. В прошлом веке людям не давали косить даже у леса – всё для колхоза. В войну если с колхозной земли что-то взять – и посадить могли. А сейчас на лугах, где пасли коров, уже сосны и берёзы вымахали, лет через десять рубить можно – строевой лес. Время такое...

– Так мне до пенсии ещё долго, дядя Ваня, живу я далеко от деревни, зарастёт земля без дела, – пытаюсь найти аргументы.

– Вот и тебе не нужна... Но ты подумай! – дядька стал смотреть в треснутое окно на дорогу.

Попрощались сухо.

Я спустился к говорливой реке – всегда умываюсь перед долгой дорогой. Обмелела речка, но вода такая же, как в моём детстве, прозрачная и ледяная даже в июльский полдень, аж зубы сводит. У дороги, заросшей по обочинам ромашкой, увидел дядю Ваню: пришёл всё-таки проводить, не обиделся.

– Ты всё же подумай, – уже тихо, спокойно повторил он. Дядька немного дольше задержал мою руку в своей тёплой сухой ладони.

– Спасибо, дядя Ваня. Подумаю.

Мне стало жаль его. Вся жизнь – на земле, с землёй. Это его главное богатство. Есть, конечно, старый дом, завалившийся набок. Живность,

которой осталось пастись до заморозков, – и больше ни-че-го.

В машине я нажал педаль газа до упора: быстрее, быстрее уехать, забыть об этом тяжёлом разговоре. Стало совестно, что я отказался от земли, от идеи переехать в умирающую деревню. В боковом зеркале увидел дядю Ваню: он всё ещё смотрел мне вслед.

В августе мы снова приехали в деревню. Набухшие от семян травы поникли, шелестели о резиновые сапоги. Низкие грязные тучи почти касались старых, поросших мхом крыш. За полдня отремонтировали с нанятыми в городе рабочими крышу бабушкиного дома – растянули рекламные баннеры магазинов, так дешевле и быстрее. Напечатанные на материале окорочка полетели над деревней, богатые кухни с фотографий среди деревенских развалин смотрелись неуместно, дико. Но спокойнее стало на душе: дом теперь не будет поливать дождями, осталось только его высушить.

Мы всё ждали, когда же придёт, по своему обычаю, дядя Ваня, а его всё не было и не было. Пошли к нему сами – дома его тоже не оказалось, к двери приставлен батог. Голодные гуси нас чуть не съели – только поднятая палка остановила крикунов. Дядю Ваню увидели на обратном пути – и не узнали. Длинные до плеч волосы, босые ноги, он казался похожим на Робинзона Крузо. Шёл из села, где был магазин (это двенадцать километров, между прочим!), из кармана торчала початая бутылка водки.

– Дядя Ваня! Давай подвезу! – я был готов развернуть машину.

– Да не надо, сам дойду...

Он уже не предлагал землю. Ничего не предлагал. Он возвращался к своему дому. Издалека было слышно, как кричали голодные гуси. Ждали хозяина.

ХРЁСТНАЯ

О том, что тётя Лида была моей крёстной матерью, к стыду, я узнал совсем недавно. Она ушла тридцать лет назад, но я всегда чувствовал с ней особую связь и без этого знания. С годами невидимая нить становится будто крепче. Крёстная была тётей моего папы, родные называли её по-деревенски крёстной.

Меня крестили в единственном храме Великого Устюга, в котором в те безбожные советские годы шли службы. В одной церкви власти устроили клуб, в другой – магазин, в третьей – планетарий, четвёртую вообще снесли. Устоявшая же церковь была расположена в глубине старого погоста, может, поэтому власти её не закрыли: побоялись усопших.

Когда меня крестили, мне был год или два, и запомнить я ничего не мог. Родители рассказывали, что на крещение они, по молодости или в спешке, забыли полотенце. Спасло то, что тётя Лида подготовилась, принесла по этому случаю в подарок обнову – пакистанское покрывало. Как она нашла в маленьком провинциальном городке такую дефицитную вещь – ума не приложу. Это покрывало ещё долго служило нашей семье. После ванны меня, маленького, завернутого в него с головой, папа нёс в комнату через холодный коридор нашей городской коммуналки. Покрывало до сих пор живо, мы его положили на верхнюю полочку шкафа, бережём.

Пытаюсь собрать воедино свои скудные воспоминания о крёстной, но они рассыпаются ворохом, никак не хотят складываться в цельную картинку.

Тётя Лида была среднего роста, волосы чёрные, как сажа, густые брови, громкий, кажется, чуть грубоватый голос – нет, таким он только казался.

Из деревни крёстная уехала каким-то чудом – тогда ещё колхозники были как крепостные, устроилась в райцентре работать на винно-водочный завод. Там же нашла своего суженого – Николая. Он попивал – как иначе в таком месте? Но жили, работали... Детей Бог им не дал. Николай стал моим крёстным отцом. Не помню его совсем: к тому времени, когда я чуть подрос, тётя Лида уже разошлась с мужем из-за его бесконечных пьянок.

Детьми она считала своих племянников – моего папу, его братьев. Она всегда была рядом. Перед тем как по повестке идти в военкомат, папа забежал проститься к тётке на работу. Встретились у вахты, и вдруг тётя Лида достала из кармана рабочей фуфайки бутылку «Столичной», ещё теплую, только что снятую с заводской линии.

Крёстная жила в доме, построенном немцами до революции, в так называемой служебной квартире. Окна выходили во двор винно-водочного завода. В подвале работали прачечная и столовая. Можно было не готовить, не стирать – только работать. Немцы всё продумали.

В городе крёстная всегда скучала по родной деревне Оснице. Однажды из-за весеннего половодья деревенская речка со смешным и говорящим названием Меньша превратилась в море. Крёстная не отказалась от своей затеи попасть в Осницу – пошла в обход, перебиралась по бревну над ручьём, не удержалась и упала в ледяную воду. Еле выбралась, а до ближайшей деревни было ещё больше пяти километров. Одежда стояла колом: весна у нас обманчивая. Тётя Лида долго не могла отогреться на жаркой лежанке у бабушки Сани... Весеннее купание, конечно, сказалось потом на здоровье.

Крёстная следила за отчим домом в Оснице, всег-

да рада была нас там видеть. Вспоминаю смешное. Мне года четыре. С высокого крыльца я метил напиток на лягушку, притаившуюся в траве. Весело же!

– Не балуйся, – тихо сказала. Жалостливая...

Как-то раз тётя Лида упросила приехать в деревню на клубнику. Наклоняться она уже не могла: отечные ноги были как колоды, голова кружилась от высокого давления. Вырвались в деревню, а тётя Лида сидит на кривом крыльчке. Все грядки заросли высокой травой.

– Где клубника-то? Одна трава, – хотели уже заругаться на тётку.

Столько километров проехали – и зря!

– Ягода любит поклон. Вы раздвиньте траву-то, – глаза её смеялись.

Клубника на грядках оказалась с маленькое яблочко и чистая – можно смело в рот.

На следующий год мы к тёте Лиде не поехали, но получили от неё посылку с деревенского адреса: в фанерном почтовом ящике лежали пакеты с ягодами, пересыпанные песком. Надо же, и не протекли! Родители открыли – и как запахло Осницей... Мы увидели сорные зелёные травинки в ягодах, и на глаза навернулись слёзы: так стало жалко старенькую тётю Лиду, когда представили, как она, больная, собирала для нас эти ягоды, а сейчас сидит, наверное, на своём крыльчке...

Таким же макаром, в пакетах, она отправляла нам и грузди. Конечно, сама собирала, грибные места она знала с детства. Груздочки отлично доходили в почтовых ящиках, целые, хрустящие. А какие солёные! Вспоминаю их вкус – и тут же рот наполняется слюной.

...Опять всплывают какие-то дурацкие детали. Как я с родителями и крёстной ехал в деревню на тракторе, который называли тарапунькой: впереди был деревянный кузов, где все и сидели. Ехали по бездорожью медленно, не один час. Вдруг крёстная достаёт из сумки с продуктами здоровый пучок укропа и начинает жевать! Так и съела целиком! Мы отказались.

С годами она всё больше сдавала, ездить из центра в свою Осницу уже не могла. Какая там Осница – тётя Лида уже с трудом спускалась на больных ногах со второго этажа.

Перед поездкой в деревню мы каждое лето ночевали в Великом Устюге, но, чтобы крёстную не беспокоить, уходили к другим родственникам. Она обижалась... Ведь целый год ждала, чтобы увидиться хотя бы на час-два. Расспрашивала, как живём. Её комната напоминала деревенскую избу: половички, железная кровать с горкой подушек, вышитые занавесочки на окнах, а на подоконниках – цветущие герани.

Когда крёстная совсем обезножела, сестра привезла её в Северодвинск. Жить в двухкомнатной «брежневке» с племянниками и их детьми тяжело. Тётя Лида теряла память, превращаясь в ребёнка, которому требовался постоянный уход. Сестра увезла крёстную в дом-интернат...

Тётя Лида умерла в этом казённом учреждении через три недели, в ночь на Рождество. Когда сестра приехала на похороны, увидела вместо неё незнакомую исхудавшую старушку. В 90-е годы кормили в таких учреждениях плохо: жиденьким супом, сухой, дерущей горло перловкой, котлетами из хлеба с едва уловимым запахом мяса, капустой – самой дешёвой едой. Гроб стоял в неотапливаемой холодной часовне, мокрые волосы покойной не высушили, и они замёрзли...

В тот год я пошёл в третий класс.

Квартира тёти Лиды перешла государству. Когда приезжаю в Великий Устюг, захожу в тот самый подъезд, где она жила. По этим ступенькам через силу поднималась крёстная, долго стояла на полпути, отдыхая. Кажется, я слышу её тяжёлое дыхание... Во дворе гремят ящики, завод по-прежнему выпускает горькую и сладкую продукцию, ничего не меняется.

Я еду на кладбище к той самой церкви, где меня крестили. Здесь же похоронили крёстную. Никто не ходит, кроме меня, на могилку: как закрыл в прошлом году калитку на веточку, так и застал сейчас. Сестра крёстной тоже ушла на небеса, другие племянники живут далеко. Могилка тёти Лиды на светлом месте, у дороги, под толстыми узловатыми берёзами. Прибираюсь, каждый год что-то делаю: то крест с оградкой подкрашу серебрянкой, то скамейку новую поставлю. Обязательно приношу цветы вместо выгоревших, потрёпанных ветром и дождями. Долго выбираю, какие бы ей понравились: весёлые ромашки или маленькие фиалки. Тётя Лида на фотографии с памятника широко улыбается, довольная. Как живая! Смотрит и будто подбадривает:

– Спасибо, крестник. Ну, иди, иди. Всё будет хорошо!

...Но почему всё-таки хрёстная? Может, потому что ближе к Христу?..

ЛАСТОЧКИНА ДОРОГА

Из школьных уроков труда я запомнил мрачный тёмно-синий халат с дурацким беретом, которые надо было не забыть взять из дома и каждый раз надевать, да ещё крепёж для навесных шкафов – серебристые металлические пластинки, мы их сначала обтачивали, а потом сверлили. Кажется, я сделал столько крепежа, что можно было перевесить все

шкафчики и полочки в школе, а если собрать всё сделанное мной и одноклассниками за годы учёбы – то и во всех школах города. Но я как-то не осмеливался спросить у молодого учителя труда Андрея Алексеевича Протасова – зачем столько...

Удивительные переплетения в жизни! Лишь спустя лет двадцать я случайно узнал, что Андрей Протасов родом из тех же самых мест, что и мои родители. Более того, тётя моего учителя труда Капитолина Алексеевна, когда работала секретарём сельсовета, зарегистрировала их брак. Родители до сих пор вспоминают, как пришли к ней подавать заявление:

– На какой день записать свадьбу? – участливо спросила Капитолина Алексеевна.

– На любой... – засмутились молодые.

– Нет, как это на любой? Надо, чтобы запомнилось! На всю жизнь!

И сама назначила день свадьбы на десятое августа, поскольку знала, что в этот день совершается память Смоленской иконы Божией Матери, именуемой Одигитрия, что значит – Путеводительница. Хороший день для создания новой семьи! Старые иконы с помутневшими от времени стёклами стояли на полочке в избе Капитолины Протасовой даже в те атеистические годы. Украли их, когда хозяйки уже не было на этой грешной земле.

Теперь при каждой встрече в городе мы разговариваем с Андреем Алексеевичем о нашей малой родине, а недавно я побывал в доме его тётки в деревне Чернышево. Там Андрей Протасов проводил каждое лето. Тётка потом заболела, но в город перебраться ни за что не хотела и как-то упростила приехать родных. Оказалось, чтобы попрощаться... Незадолго до этого заготовила несколько полениц берёзовых дров: только ездите в деревню. И Андрей Алексеевич каждый год приезжает, присматривает за домом. А дом огромный, как Ноев ковчег: всё в нём предусмотрено для долгой, независимой от внешнего мира жизни большой семьи. На повить могла спокойно зайти лошадь с возом сена, а чулан был размером с баню.

В избу попадаешь как в прошлый век. Некрашенные потолок и полы. Лавка у окна такая широкая, что можно спать, не боясь упасть. Русская печь, занимающая полдома. В передней печной стене сделана вьюшка* для самовара. Андрей Алексеевич в отпуске пьёт из него чай, но боится оставить самовар здесь зимовать: украдут, как иконы. А вода из него живая, вкусная, несравнимая с мёртвой из электрочайника.

Вторая половина избы использовалась раньше под деревенский магазин. Потому на окнах ставни, а внутри на стенах до сих пор сохранились агитационные плакаты шестидесятых годов. Один особенно

забавный: как вредны зубастые бобры, они подгрызают деревья и строят запруды...

Недавно к Андрею Алексеевичу пристал какой-то мужик:

– Продай дом за пять тысяч, а?

Наверное, на дрова хотел пустить этот Ноев ковчег. Хозяин назвал сумму, которую покупатель точно не готов был выложить. Тепло родного дома не измерить никакими деньгами...

* * *

— Поедем по старой дороге? – предложил мне Андрей Алексеевич этим летом. Он решил выступить проводником. Крутая идея! Не думал, что так дорога ему эта дорога. Она петляет по деревням, удалённым от новой трассы на километры.

Никогда не ездил по старой дороге, но много слышал о ней. Вероятно, начало ей было положено в те времена, когда основали деревни. Сколько же веков назад? По этому тракту ездили на лошадях и ходили босиком, в лаптях и валенках. Останавливались в деревнях по пути в город. Продуктовые обозы снаряжали в монастыри, везли товары на рынок, мобилизованных отправляли на фронт.

Итак, едем! Японский внедорожник, эмблема которого похожа на морду быка, сначала шустро шуршит по гравийке, открываются золотые поля, окружённые чёрным лесом. Не думал, что здесь до сих пор сеют. Поле на угоре сливается с голубым небом, под самым солнцем созревают, набирают силу колоски. Домик у самого поля, из окна – левитановский пейзаж. Лепота!

Первая деревня – Биричёво.

– Здесь был клуб, – показывает Андрей Алексеевич место, а я вижу только малиновое озерцо иван-чая.

Рядом деревня Верхнее Алешково. Значит, где-то было и Нижнее Алешково... Смотрю вдаль на лесные горы, внизу неслышно протекает река Шарденьга.

Дорога всё хуже, ямы заполнены водой. Одни лужи мутные, со светло-коричневой жижей, другие – прозрачные, и в них отражаются облака. Дождя не было давно, жара, сушь, а вода всё равно стоит в глиняной колее, словно в тарелке.

Надо же, дороги нет, а интернет есть – почти все «палочки» показывает мобильник. Если что, можно вызвать подмогу. Интернет знает и названия населённых пунктов впереди.

* Вьюшка – специальное отверстие в печи для трубы самовара.

Забираемся на ещё один угор. Деревня Большой Двор. «Большой» – теперь совсем маленький, пара домов. Я смотрю на необшитые пятистенки, на эти огромные брёвна, которые могли поднять одни великаны, а обычные люди только с помощью лошадей. Через дырявую крышу виднеется небо. Замечаю: во фронтоне выпилено сердечко – наверное, для ласточек. Эти птицы то и дело попадают нам в пути, стремительно проносятся перед капотом машины. Ласточкина дорога!

Деревня Исаково. Снова огромная яма преграждает путь, не объехать, и пугающая глубочайшая колея. Выходим на разведку, палкой измеряем глубину: не хочется застрять, надежды на «японца» почему-то нет – куда ему против вологодско-бездорожья. Яма оказывается неглубокой.

Кажется, в эту крутую гору не заберётся ни одна машина, но пятиться назад не хочется, да и некуда – обочины заросли. И тут как чудо: среди невысокой травы замечаем камни, которыми выложен весь подъём. Мы знали, что в самых вязких местах старая дорога вымощена булыжниками. Да ещё так аккуратно, камешек к камешку чётко подогнан, поверхность ровная, будто брусчатка Красной площади в Москве, а не вологодская глушь. Были же люди, строили на века! Не то что сейчас, каждые пять лет кладут асфальт, кладут в карман деньги.

Проезжаем деревни Пантусово, Буслаево. Нигде не встретили живой души, только в Пантусове старая собака лежала посреди дороги. Разморённая жарой, она даже не залаяла. Рядом, около дома, который ей лень охранять, и трава скошена:

верный признак – живут. В других избях батожок в кольцо двери вставлен: нет хозяев. Уехали навсегда в город? Ушли на тот свет? Мой провожатый вспоминает, кто здесь жил в прежнее время.

Окно выставлено, печная металлическая труба с крыши снята – зияет круглая дыра в шифере. Как в лихие девяностые, снова шастают по деревням воры, собирают то, что не взяли раньше. Опять стали бедно жить... А жили ли хорошо?..

Шумная трасса более полувека назад обошла стороной эти, тогда ещё населённые пункты. Но не потому они спустя годы оказались заброшенными: и вдоль асфальтированных шоссе стоит полно мёртвых деревень.

Мы оставили машину у пятистенка Капитолины Алексеевны, Андрей Протасов взял мачете – длинный широкий нож, и пошёл рубить сосенки, выросшие посерединке дороги, маленькие ёлочки, как сорняки, вырывал с корнем. Оказывается, он следит не только за домом, но и за старым трактом. Зачем? Казалось бы, бессмысленный труд. Когда-то здесь шли наши предки, набивали на ногах мозоли, а нынче над дорогой только ласточки рассекают да плывут, как прежде, облака, отражённые в лужах... Пусть хотя бы при нашей жизни не зарастёт колкими будничными сосёнками человеческая память. И сегодня это главный урок от учителя труда.

□

Артём ПОПОВ

родился в 1980 году в г. Северодвинске Архангельской области.

По образованию учитель русского языка и литературы.

Работал корреспондентом городской газеты.

Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Автор книг прозы

«Счастье прошедшего времени» (Северодвинск, 2018),

«Избачиха» (Архангельск, 2020), «Ваня Француз» (Москва, 2022),

«Олимпийский мальчик» (Вологда, 2024).

Публиковался в журналах «Наши современник», «Юность», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний Восток»,

«Дон», «Сибирские огни» и других.

Лауреат ряда Всероссийских литературных конкурсов.

Очерк «Ты подумай!» занял первое место на конкурсе «Хозяин земли» имени Бориса Можаява.

В настоящее время живёт в г. Северодвинске.

